

18+

ЛАУРЕАТ ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

ДЭНИЕЛ КРАУС

СБИТЫЙ АНГЕЛ

Даниэль Краус
Сбитый ангел
Серия «Великие романы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74706696
Сбитый ангел:
ISBN 978-5-17-182719-9

Аннотация

Сирил Бэггер, бывший шулер и мошенник, сумел выжить посреди ужасов Первой мировой войны благодаря своему уму и изворотливости. Но даже удача прирожденного игрока оказывается не вечной, когда Бэггера и еще четырех рядовых отправляют на Ничейную землю между позициями противоборствующих армий для того, чтобы разобраться с раненым, чьи крики деморализуют солдат. Посреди поля боя они находят не человека, а ангела, по-видимому сбитого артиллерийским огнем. Небесное создание обладает силой остановить бойню вокруг, но для этого спасателям нужно отринуть свои желания и работать сообща. Вот только ревность, жадность и паранойя оказываются сильнее, и вскоре отряд начинают разрывать внутренние демоны, грозя превратить встречу с чудом в настоящее нисхождение в ад.

Содержание

Élan [1] 5
I 5
II 12
III 24
IV 29
V 38
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Дэниел Краус
Сбитый ангел

Посвящается
Майклу Ризи,
брату по оружию

– Но они омерзительные существа – выродившиеся твари низшего порядка. Как вы можете говорить на языке тварей?
Эдгар Райс Берроуз. Сын Тарзана

Daniel Kraus
ANGEL DOWN
Copyright © 2025 by Daniel Kraus
© Наталия Осояну, перевод, 2026
© Василий Половцев, иллюстрация, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Élan [1]

I

и Сирил Бэггер считает себя везунчиком, ведь он должен был уйти на повышение, откинуть копыта, дать дуба, сыграть в ящик, почить в бозе, лечь в землю, окочуриться, попросту сдохнуть, и не только сдохнуть, а разлететься на ошметки, ибо последним, что он видел, был снаряд, падавший прямо на него с грохотом крушения товарняков, да уж, шикарно выстрелил какой-то фриц, и есть в этом некая ирония судьбы, ведь Бэггеру нравится рыть могилы именно по той причине, что артиллерийские снаряды так далеко за передний край не залетают, один-единственный взял и залетел, как будто ночной кошмар стал явью, объятый алым пламенем череп низринулся с пронзительным воплем, оставив лишь секунду, чтобы подумать: «Старушка Фортуна наконец-то повернулась к Бэггеру задом»,

и тот свет, куда Бэггер плавно перенесся на краткий миг, оказался восхитительным местечком, где его снова обняла и

[1] *Élan* – рывок, разбег *(фр.). (Здесь и далее прим. пер.)*

обхватила длиннейшими ногами Мари-Луиза, prostituée [2], на которую он растранжирил все свои франки, когда Сорокопуты из 43-й стояли на Вогезском фронте, где было красиво, сухо, тепло, тихо, где не проливалась ничья кровь, зато каждый вдох полнился ароматом «Розы Жакмино» Мари-Луизы, ее надушенных волос и перламутровой пудры, а каждый выдох колыхал рыжие крашеные пряди и кружевные штучки-дрючки на белье,

и совершенно не хочется, чтобы кто-то его тормошил и спрашивал: «Живой?» – на что Бэггер отвечает: «Ни хера», – а кто-то нерадостно смеется и, схватив его под мышки, вытаскивает бесцеремонным рывком, словно акушерка, принимающая трудные роды, и новорожденный Бэггер, с трудом разлепив веки, покрывшиеся коркой из грязи, масла и треклятых слез, обнаруживает себя на краю могилы, которую копал в момент минометного залпа, только вот яма от взрыва увеличилась втрое и мертвецов, припорошенных негашеной известью да прикрытых тонким слоем земли, в ней тоже тройное количество,

и Бэггер оказался бы погребенным заживо, не случись ря-

[2] *Prostituée* – проститутка *(фр.)*.

дом востроглазый рядовой, надо обязательно вознаградить его сигареткой, однако Бэггер отвлекается на свежие трупы, устилающие окрестности, одному пехотинцу-пирожку почти оторвало голову чьей-то тазовой костью, другой испустил дух, собирая свои потроха в свой же ботинок, а третьего снарядом так расплющило, что хребет торчит из разинутого рта,

и Бэггер растерянно понимает, что все части тела при нем, включая пальцы на ногах, но каким же охренительным образом он выжил, если все вокруг него, судя по открывшемуся зрелищу, распотрошены, разодраны и разбросаны, разве что труп, который он тащил на спине, принял на себя всю шрапнель, однако назойливый голос твердит, что случилось чудо, и это страшно бесит Бэггера, ведь прокляни его Господь, если он поверит в чудеса, застряв в аду,

и, доползя до более-менее твердой почвы, осознает, что на болотистом клочке земли между Аргоннским лесом и рекой Мёз наступила тишина, и ничто больше не вызывает подозрений, хоть тишина на Западном фронте – дело тонкое, поскольку у той или другой стороны постоянно зудит кое-где, и в очередной раз несколько сотен мужчин истекают кровью за считаные дюймы территории, погубленной до такой степени, что возжелать ее мог бы только помешанный,

и вот Бэггер, у которого перед глазами все плывет, садит-

ся и гонит прочь льнущий к коже грязный воздух, сизый дым и белесый, как катаракта, туман, и видит, как за диарейными холмиками грязи, за оплывающими воронками, из которых эта грязь изверглась, уползают на восток грузовики, телеги и колесные орудия, подсказывая, что 43-я дивизия III корпуса Первой армии США покинула позиции, судя по всему, не дожидаясь бэггеровской жалкой роты «П», вечно болтавшейся у бригады на крайнем левом фланге, словно пораженный гонореей член,

и Бэггер ищет свой ранец, находит, вытаскивает Библию, открывает, сует нос в то место, где страницы сходятся у корешка, вдыхает, и плевать ему на царей и пастырей, плотников и пророков, просто влажный, зыбкий аромат красного кожаного переплета и древесный шорох тонкой гладкой бумаги, испещренной следами-полумесяцами, отпечатками отцовских пальцев, с ранних лет действуют на Бэггера как нюхательная соль, возвращая в тесный кабинет над церковью, где епископ Бернард Бэггер трудился над проповедями, в те времена, когда сердце Сирила, ныне полное дыма, полнилось чем-то вроде надежды,

и лишь вдыхая, Бэггер чувствует сковавшую лицо хрупкую глазурь из засохшей крови, ясное дело, не его собственной, и приказывает себе не думать чьей, ведь лучше всего, когда смысла в крови не больше, чем в дожде, особенно в Ар-

гоннском лесу, где осталось слишком мало деревьев, чтобы воспрепятствовать октябрьскому ветру, под которым кровь на коже засыхает в мгновение ока,

и хотя невозможно сказать, кто из парней пролил эту кровь, ее природа – совсем другое дело, ведь Бэггер за четырнадцать дней посреди урагана из мяса и свинца превратился в сомелье, способного различить терпкую и шипучую из плечевой артерии, густую и липкую, как патока, – из бедренной, мясной осадок ранений сердца, тошнотворный привкус любого из кишечных соков, а также артериальную кровь, которую он сейчас и слизывает с губ, будто соль с теплого лизунца,

и хорошо, что Библия рядом, помогает справляться с происходящим, Бэггер шумно, жадно вдыхает, заполняя пазухи ароматом ностальгии по уюту и умиротворению, а потом неохотно прячет книгу и сует пальцы в ушные раковины, вытаскивая мягкие пробки из грязи и крови, поскольку, если хочешь выжить в окопном мире, слух куда важнее зрения,

и мирские шумы обрушиваются со всех сторон, и у Бэггера перехватывает дыхание от протяжного вопля, заглушающего всех и вся, опять летит минометный снаряд, такой же, как тот, который превратил его собратьев-копателей в фарш, о нет, вот дерьмо, но погоди-ка, постой, нет, это другое, не

столько вопль, сколько визг, с точки зрения децибел не ровня артиллерийской мине, однако есть в нем какая-то пронзительная нота, сверлом вгрызающаяся в апокалиптический рокот, и звук подобной высоты ему еще не доводилось слышать,

и хотя на Ничейной земле полным-полно боевых машин на последнем издыхании, их предсмертные завывания банальны, как скрип дверной петли, а этот визг издает некое существо, ведь он живой, словно стоны удовлетворенной Мари-Луизы или зычные проклятия епископа Бэггера, и это может быть мужчина или женщина, человек или зверь, но чем бы оно ни было, оно умирает, умирает медленно, умирает громко, его агонизирующие стенания волнами устремляются во все стороны,

и Бэггер, и без того изнемогающий под гнетом грязи и крови, оседает сильнее от бремени жуткого осознания, что визг никогда не прекратится, в точности как никогда не прекратится война, никогда не прекратится жестокая бойня, все это предложение в книге, мчащееся во весь опор без единой точки, задыхающееся от переизбытка запятых, предложение, которое можно начать, а закончить ни за что не получится, предложение, обреченное замкнуться само на себя, превратившись в чудовищное черное колесо, которое рано или поздно всех без исключения затянет в могилу,

II

и Бэггер вытирает лицо предплечьем, и пять фунтов какого-то вещества шлепаются с его головы, видать, мозги, кровь все-таки была его собственная, и поскольку он уже хорошо изучил, как они выглядят, остается лишь перевести взгляд на колени, чтобы убедиться, однако там он видит лишь желтую глину, а в Аргоннском лесу нет ничего тривиальнее желтой глины,

и, таращась на глиняные мозги, он подмечает голос,

и голос ощущается частью визга, его подтоном,

и Бэггер разбирается в подтонах, он вырос, окутанный полифонией старого церковного органа, чьи верхний, средний и нижний мануалы сплетались, как духовые, струнные и язычковые, однако этот подтон рождает пока что не изобретенная клавиатура, имя ей – «голос»,

и голос говорит: «*Бэггер*»,

и слово будоражит, оно как гул, рождающийся где-то внутри его собственного тела, он чувствовал то же самое, стоя под трубами в святилище, хотя епископ Бэггер сказал

бы маленькому Сирилу, что это всего-навсего нечистая совесть копошится где-то внутри, однако с взрослым Сирилом Бэггером подобный фокус не пройдет, он слишком долго трудился, чтобы похоронить всю сентиментальную дребедень там же, где и сотни трупов,

---

и потому он игнорирует голос, это просто кости завибрировали в унисон с выстрелом из миномета, и полной грудью вдыхает смрад, ну ладно, Бэггер, твое подразделение на марше, нехорошо, но в остальном все по-прежнему, то бишь в полной заднице, снаряды гансов перечеркнули изломы траншей расселиной длиной в полумилю, так что вместо основной, запасной и отсечной теперь всюду позиции четвертой разновидности, именуемой клочки по закоулочкам,

и Бэггер убеждается, что в этих закоулочках действительно по-прежнему обретается рота «П», мелькает хромой гориллой лейтенант Аквила, хрипло орет сержант Раш, но они не сидят контуженными болванами, а носятся как заведенные, то и дело натыкаясь на обвалившиеся стены окопов, отчего Бэггер задается вопросом, не свел ли их визг с ума, ведь и дурак поймет, что-то тут неладно, и если Бэггеру важна сохранность собственной шкуры, придется пустить в ход лисью изворотливость, что он и делал не один раз,

и Бэггер воображает, что рядом грозно высится генерал Джон Джозеф Першинг, требовательно спрашивает: «Где ты находишься, рядовой?» – а он такой: «Во Франции, сэр!» – а генерал: «Поточнее, рядовой!» – и он в ответ: «Буа-де-Фе, сэр, где словом „буа“ лягушатники обозначают лес, сэр!» – а Першинг ему: «Очень хорошо, рядовой; по-твоему, это похоже на лес?» – и он такой: «Нет, сэр, но здесь, наверное, был лес пару лет назад, сэр, до того, как сюда вломились громадные тролли», а Першинг и говорит: «И как же этих троллей звали, рядовой?» – и он, вынуждая сурового старого командарма улыбнуться краешком рта, заявляет: «Марна, сэр, Верден, сэр, Сомма, сэр, – они тут все на хрен растоптали, сэр»,

---

и он смеется, это помогает сильнее, чем Библия, аллилуйя, знамя ввысь, и пусть там реет, Янки Дудль, твой час настал, рядовой первого класса Сирил Бэггер потихоньку вспоминает, каким был везучим старина Бэггер, Ловкач из Айовы, Пройдоха из Су-Сити, Мошенник из Каунсил-Блафс, Настоятель из Дубьюка, и какие там еще прозвища он заслужил вкупе с запретом появляться на половине речных судов на Миссисипи, куда, впрочем, сможет попасть снова благодаря ящику с всякими прибамбасами, позволяющими изме-

нить внешность, стоит лишь вернуться домой,

и он, опять оказавшись в Айове, вернется к старым схемам, жульничеству, «найденному кольцу», «залогу за долю», «подсолке шахты», «коту-в-мешке», «испанскому узнику», устроит и классическую «упавшую дыню», просто чтобы доказать, что еще на это способен, он ведь до того, как в армию загребли, даже изображал медиума, выдвигал из спрятанного кожаного наруча металлический штырь, чтобы со стороны казалось, будто стол приподнимается от прикосновения его пальцев, толку никакого, но понятно, спиритическое мошенничество на подъеме, из скорбящих получаются отличные лохи, а в послевоенной Америке скорбящие будут кишмя кишеть,

и как раз ловкость рук уберегла его здесь, а еще жестянка из-под ветчины, куда поместились домино, крышечки от бутылок для игры в наперстки, налитые свинцом игральные кости, авторучка, чтобы рисовать точки на кубиках сахара, если он эти кости потеряет, и крапленые карты, и когда слишком темнеет, чтобы можно было разглядеть метки, он делает новые на краешке ногтем, который всегда остер, или буквально – буквальнее некуда – прячет туза в рукаве, потому что среди рядовых неизменно найдется дуралей, не способный опознать в нем акулу, у которой зубов побольше, чем в Айове кукурузы, и эти мальчишки ставят на кон все, вклю-

чая собственные жизни, если кто-то подвергает сомнению их мужество, что в стране лягушатников происходит каждые несколько секунд,

и в результате солдаты оказываются до такой степени в долгах, что им приходится расплачиваться с Бэггером, совершая безрассудные поступки, в основном подменяя его во время пехотных атак и сводя к нулю близкое знакомство с пулями, пока сам Бэггер держится на почтительном расстоянии, чем дальше, тем лучше, предпочитая наряды по уборке нужников и рытью могил, где свинец не пролетает со свистом мимо уха, а тоненько звенит, как комар на исходе лета,

и когда Бэггер не орудует лопатой, он нарушает субординацию на глазах у каждого капитана, майора, лейтенанта и сержанта в 43-й, поэтому они его «наказывают» новыми нарядами подальше от передка,

и, так уж совпало, он отлично справляется, без пяти минут главный могильщик 2-го батальона, чувствует себя настоящим мастером своего треклятого дела, укладывая в землю собратьев-пирожков,

и мысль о том, что кто-то выполнял за Бэггера его работу то недолгое время, пока он был без сознания, кажется оскорбительной, да что штабные крысы, все эти связисты, повара, писари, интенданты, горнисты и санитары, смыслят в том,

как хоронить трупы, ничегошеньки, то бишь варвары наверняка укладывали их голова к голове, а не голова к ногам, и забыли прикрыть лица, а когда натыкались на фрагменты, ступню там, голову или целехонькую нижнюю челюсть, скорее всего, швыряли в яму, как оливку в коктейль, и весьма вероятно, что никто и не подумал записать координаты общей могилы, пусть им и грош цена, ведь никакой спецотряд не прибудет сюда, чтобы заняться эксгумацией пехтуры, и все об этом знают,

и, что за черт, опять этот голос: «*Бэггер*»,

и тут же ему на смену приходит что-то громкое, настоящее: «Бэггер! Бэггер! Вот ты где, Бэггер!» – и он, хрустнув шейными позвонками, поворачивается и видит Льюиса Арно, который кое-как пробирается вокруг вывороченного дуба, с чьих корней свисают лохматые клочья, вроде как мох, думает Бэггер, тут же понимая, до чего глупая и наивная мысль, ведь прилетела мина, угодила в яму с мертвецами, и никакой это не мох, Сирил Бэггер, тупоголовая ты дубина,

и у Бэггера нутро сжимается, как обычно при виде Арно, пацану четырнадцать, солгал про свой возраст какому-то мудаку из Национальной гвардии Небраски, который и рад был закрыть квоту, и с тех самых пор клещом впился в мягкое подбрюшье 172-го, ничего не умеет, но слишком маленький,

чтобы немцы в него попали, и Бэггер негодует, чертовски сильно негодует, из-за пацана он не может презирать всех здешних скопом в полную силу, и Арно даже дурить бесполезно, у него за душой ни гроша,

и все же при появлении Арно в душе Бэггера пробуждаются теплые чувства, а любовь он ненавидит больше всего на свете, поэтому рявкает: «Чего надо? Крысеныш окопный», и Арно, откладывая в сторону ручной пулемет Шоша размером больше, чем он сам, вытаращив глаза, шепчет: «Ты что, умер?» – и Бэггер, которого спрашивают об этом во второй раз, понимает, до чего хреновый у него видок, поэтому рычит в ответ: «Да, я призрак. Теперь буду мучить тебя, пока не сдохнешь»,

и ответ, похоже, устраивает Арно, который зажимает уши ладонями, испачканными сажей, спрашивает: «Что это за звук?» – и Бэггеру становится чуть легче, ведь если пацан тоже слышит визг, значит, Бэггер не сбрендил, не признан негодным к строевой, пока еще нет,

---

и поэтому он, нацепив свирепую ухмылку, которую и хочет увидеть пацан, отвечает: «Судя по всему, сдувается», и Арно спрашивает: «Что именно?» – и Бэггер говорит: «Ша-

рик наш сдувается», а потом хихикает, как помешанный, хотя образ, пришедший ему на ум, весьма грустный: из земли, пробитой тяжелым снарядом 105-го калибра, выходит воздух, и она схлопывается вместе со всеми обреченными людьми,

и Арно жалуется: «Больно», – наивное, но точное замечание, потому что визг действительно причиняет боль, но не через уши, а как будто изящная женская ручка проникла в грудную клетку Бэггера через рану от шрапнели и неритмично сжимает его сердце, и не стой он на коленях, пришлось бы принять такую позу, надо же, совсем размяк из-за треклятого пацана, которому ворчливо говорит: «Ты не к тому солдату пришел, чтобы поныть»,

и что в Льюисе Арно впечатляет с точки зрения мошенника, так это нечувствительность к блефу, потому что пацан тыкает в него пальцем и замечает: «У тебя лицо на лице», и эти слова в другое время, в другом месте были бы бессмыслицей, однако ныне у них имеется лишь одно объяснение, крайне неприятное, и Бэггер касается щеки, ломая кровавую глазурь на хрупкие фрагменты, и Арно морщится, и Бэггер, вторя его гримасе, ведет пальцем к правой стороне своей нижней челюсти, где что-то болтается, легкое и гибкое, похожее на человеческое ухо,

и Бэггер отдирает эту штуку от лица, подносит к глазам, убеждаясь, что она именно то, чем кажется, человеческое ухо, перепачканное в глине, с пучком русых волос в придачу,

и он стирает чужое лицо со своего, единственный способ сдержать рвотные позывы – сказать что-нибудь смешное, поэтому Бэггер протягивает находку Арно, держа за край ушной раковины, со словами: «Держи ухо востро»,

и шутка не удалась, пацан в ужасе, поэтому Бэггер швыряет ухо за спину, ну его к черту, и тут же испытывает угрызения совести, да еще какие, хочется повернуться, разыскать ухо и прикрепить к лацкану, от такой медали больше толку, чем от Croix de Guerre [3], она могла бы наделить его сверхъестественным слухом, позволяющим понять смысл бесконечного, накатывающего волнами визга,

и посреди всей этой фантасмагории Арно еще бесцеремоннее возвращает его к реальности, заявив: «Тебя вызывает генерал-майор»,

и поскольку это какой-то абсурд, Бэггер фыркает: «Малый, ты бы подучил нашивки», однако Арно, мотая головой, упрямо твердит: «Я в нашивках знаю толк», и Бэггер, выгнув бровь, уточняет: «Ты хотел сказать, старший лейтенант?» –

[3] *Croix de Guerre* – Военный крест *(фр.)*.

но Арно еще сильнее мотает головой: «Нет, генерал-майор», и Бэггер глядит на него, посерьезнев: «Майор Честер?» – и Арно мотает головой так, что дурацкая штуковина того гляди отвалится, и Бэггер спрашивает, теперь с толикой беспокойства: «Бригадир Мотта?» – и Арно раздраженно стонет: «Генерал-майор! Тот, у которого крошечная рука»,

и как-то еще прояснить ситуацию пацан не может, поэтому Бэггер меняется в лице, из-за чего с него падают новые куски грязи, а может, на этот раз и впрямь ошметки мозгов, вполне вероятно, ведь Бэггер лихорадочно думает о том, что блистательно пускал пыль в глаза рядовым, капралам, лейтенантам, майорам, бригадирам и капитанам, но нет, просто немыслимо, чтобы жалкий рядовой первого класса предстал перед командиром 43-й дивизии армии США,

и значит, байки о том, какие номера он здесь откалывал, дошли до самого верха, что может привести к трибуналу, к тюрьме, и Бэггер, скрывая свой ужас, пытается сделать вид, что это пустяк, спрашивает: «Да? Он сказал зачем?» – и Арно в ответ усердно мотает головой, поэтому Бэггер просто моргает и дышит, моргает и дышит, сидя на краю общей могилы, и вокруг никого и ничего, только он, мальчишка, страх и визг,

и он едва не озвучивает фантазию, которую холил и лелеял, словно любимый цветок в горшке, и суть ее в том, что они двое, Бэггер и Арно, просто уходят на хер из этого треклятого кошмара, Арно сидит у Бэггера на шее, как младший братишка, веселя его на пути между воронками от снарядов и трупами лошадей, пока они не оказываются в сказочном краю, где трепещет на лужайках клевер и высятся заборы, сложенные из камня вручную, где в конце концов им попадается крошечная ферма, милее любых таких же в Айове, и они ее покупают, а потом живут там вдвоем, обрастая всякими личными мелочами, и никакой аферист не заставит их снова потратить впустую годы жизни,

и к черту все, ничего не сбудется, это просто розовая мечта, которую он прятал у самого сердца, в том же месте, куда собирался пришпилить ухо,

и поэтому Бэггер пытается восстать в направлении неба, и Арно тянет руку, чтобы помочь, но Бэггер отмахивается грубо, словно от окопной крысы, потому что на самом деле он пацану никакой не старший брат, а просто тип, который собирается уцелеть в этой войне, живя так же, как жил всегда, плюя на всех, независимо от возраста или степени простодушия, но поднимается он чересчур быстро, голова кружится, ноги не держат, его шатает и мотает из стороны в сторону,

он изо всех сил старается не упасть, не угодить в жижу общей могилы, которую так и не докопал, но сбрендивший от убийств мир сам ее предоставил и Бэггеру, и всем прочим,

III

и поскольку Бэггер идет шагом взрослого мужчины, Арно приходится спешить, чтобы не отстать от него, и пацан, по своему всегдашнему обыкновению не догадываясь, что достал, спрашивает: «Как думаешь, Корак убьет Бэйнса?» – и Бэггер отвечает: «Не-а. Бэйнс порубит Корака на кусочки и сварит из него рагу», а спутник гогочет и начинает перечислять все доводы, согласно которым Корак слишком могуч и хитроумен, чтобы выходец из богатой семьи вроде Морисона Бэйнса сумел его одолеть,

и продолжает тараторить: «Думаешь, Корак опять спасет Мериэм?» – на что Бэггер огрызается: «Если бы я не потерял свой швейный набор, зашил бы тебе губы намертво», но радостный щебет Арно продолжается без запинки, в этом и состоит их ежедневная праздная болтовня, малый задает тысячи дурацких вопросов о книгах, которые они читают, а Бэггер отвечает, ничуть не сдерживая досаду,

и очередная книга – «Сын Тарзана», опубликованное в 1915 году Как-Его-Там Берроузом чтиво для детишек, но Арно, на самом-то деле, мальчишка и пристрастия у него мальчишеские, и еще в учебке Кэмп-Уинн при форте Синклер он приставал к рекрутам с вопросами об их грошовых

романах, пока они не начали швырять дочитанные книжки в пацана, и никому не пришло на ум, что, если Льюис Арно и любил приключенческие истории, это вовсе не значило, что он умел читать,

и угадайте, какого солдата Арно выбрал, чтобы признаться в своем грехе неграмотности, зашибись как повезло, и очень скоро пацан умолял Бэггера прочитать ему «Узника Зенды», и хотя Бэггер сперва велел ему проваливать, война утомляет, даже когда не воюешь, настал день, когда он, будучи слишком измучен, чтобы сопротивляться просьбам, выдернул книжку из руки Арно и начал читать вслух с намерением вставить от себя целые пассажи тошнотворного насилия и шокирующей порнографии, но, сам того не ожидая, увлекся сюжетом,

и это серьезнейшая из всех ошибок, какие Бэггер сделал в армии, хуже того, он продолжает в том же духе, «Копи царя Соломона», «Граф Монте-Кристо», «Остров сокровищ» и теперь «Сын Тарзана», история, в которой – по крайней мере, пока – человек-обезья- на лишь мелькает, уступая сцену своему цивилизованному сыну, а тот, идя по стопам отца, становится Кораком-Убийцей, дурацкое совпадение, но очень развлекает, ведь Бэггер не упускает ни одной возможности вставить откровенные сцены, превращая Тарзана в похотливого содомита, леди Грейсток – в нудистку-людоедку,

только вот Арно знай себе кивает, давая понять, что ни одно зверство, выдуманное Бэггером, не в силах превзойти обыденность Великой войны,

и он все никак не уймется: «Большой Бвана – это же на самом деле Тарзан, верно, Бэггер? Бэггер, ну скажи!» – а на пути им попадается человеческая грудная клетка, которая еще содрогается от ударов сердца, этот орган всегда сдается последним, и поскольку не осталось времени, чтобы увести пацана в сторону, Бэггер давит сердце каблуком, прежде чем тот успевает заметить, и кажется, что это его собственное сердце,

и вот в тумане с болезненной медлительностью бредут какие-то сомнамбулы, штабные труженики тащат повозки с окровавленными останками, до того нагруженные, что их приходится волочить сквозь грязь, как сани, и с боков свешиваются болтающиеся руки, ноги, скальпы и потроха, поэтому Бэггер отвлекает пацана, дергает его к себе, вскрикнув: «Осторожно, яма!» – в ответ на что Арно выдает: «Ого! Чуть не упал!» – только вот нет никакой ямы, и Бэггер спрашивает себя, вдруг Арно все понимает, и каждый из них просто играет ту роль, которая нужна товарищу,

и Бэггер спрыгивает в самую неглубокую часть траншеи, какую может отыскать, ноги у него ватные, и когда Арно осе-

дает, будто ему поплохело, Бэггер притворяется, что не заметил, он – не папочка, чтобы опекать пацана, и уходит прочь, и слышит, как Арно с плеском падает в грязь, ну и что с того, они здесь все по уши в грязи, впрочем, хочется верить, что земля под ногами дрогнула из-за приземления пацана, а не из-за боевых машин за ближайшим откосом и не из-за того, что сто тысяч фрицев Людендорфа вышли из укрепленных блиндажей линии Гинденбурга, покрытое зыбью море пикехельмов хлынуло на юг,

и еще нельзя исключать, что все вокруг трепещет из-за визга,

и что бы это ни было, оно нервирует Сорокопутов из 43-й, они мычат, словно не доенные коровы в айовском хлеве, хлюпают копытами по грязи, и Арно спешит вперед, чтобы провести Бэггера через крутой изгиб окопа, и за поворотом обнаруживается рота «П»: лейтенант Джулс Аквила несет какую-то вдохновляющую чепуху и хлопает по плечу людей, которые еле-еле держатся на ногах, а сержант Мосс Ди Стефано сует флакон с нюхательной солью под нос каждому, кто в этом нуждается,

и рота «П» наконец-то готова выступать, все собираются колонной для марша, а значит, Бэггеру надо присоединиться, но он не успевает, поскольку Арно сворачивает нале-

во, в сторону от вереницы из сорока с лишним падающих от усталости мужчин, мимо отца Мюнстермана, который блюет в собственные аккуратно сложенные лодочкой ладони, как будто собрался предъявить рвоту вместо тела и крови,

и они оказываются в воронке от снаряда, кривом амфитеатре с бороздчатыми стенами, углубления на которых выглядят так, словно его выдавил кулаком великан, и стены эти покрыты вертикальными полосами крови, идущими от дна к краям, акцентная деталь на фоне узора – нечто расквашенное как раз на той высоте, где висели бы часы, – кажется проблеском Рождества во всей окружающей катавасии, то ли в оттенке дело, он совсем как фруктовая начинка в пироге, то ли в очертаниях, напоминающих венок, и лишь украшение в виде десятка зубов подсказывает Бэггеру, что раньше «венок» был человеческой головой,

и следующим, что он замечает, оказываются трое мужчин, не мертвых в грязи, но выстроившихся шеренгой, по стойке смирно, с винтовками «Спрингфилд» в руках, и хотя у Бэггера считаные секунды на то, чтобы во всем разобраться, он узнает в этих троих самых никчемных рядовых из роты «П», ухмыляется презрительно, с чувством собственного превосходства, а потом до него доходит обескураживающий вывод: самых никчемных рядовых здесь не трое, а… пятеро,

IV

и мужчина в центре воронки поворачивается, взмахнув полами плаща, толика театрального изящества на фоне оскорбительно уродливой, перепаханной вдоль и поперек пустоши, и Бэггер вздрагивает, потому что не заметил, хоть офицерские высокие сапоги со шнуровкой ни с чем не перепутаешь, но до чего же удивительно, он-то думал, этот человек окажется скособоченным из-за того, что усохшая правая рука меньше весит, а вот и нет, военная выправка безукоризненная, всякий намек на кривизну исправляет трость с золотым набалдашником, который он сжимает затянутыми в перчатку пальцами,

и чаще всего Сорокопуты насмехаются именно над нарядом генерал-майора Лайона Рейса, его длинным шерстяным тренчкотом, некогда цвета слоновой кости, а ныне – цвета дыма, вечно расстегнутым с щегольской небрежностью, его тремя медалями размером с монету, болтающимися слева на груди на своих прямоугольных ленточках, для офицера высокого ранга типично, однако медали распределены таким образом, чтобы осталось место для еще одной, пока не полученной, и это, по слухам, Медаль Почета, вот до чего Рейс уверен, что война принесет главный приз, вот как искренна убежденность в том, что он эту медаль заслужил,

и крайне необычно, чтобы Рейс обращался к рядовым не через кого-то из штабных, те, наверное, застряли вместе с повозками в грязи, или через офицеров, чьи звания расположены где-то между генерал-майором Рейсом и рядовым Бэггером, коими могли бы быть, в порядке возрастания, лейтенант Аквила, старший лейтенант Холлис, майор Честер и капитан Грайс, и никто из них не любит Бэггера, это чувство взаимно, хотя прямо сейчас писклявый голосок внутри Бэггера сокрушается, что ни один из власть имущих не защитит его от злого и страшного генерал-майора Рейса, чьи светло-карие глаза, в которых точками отражаются несколько фонарей, похожи на паучьи,

и Рейс спрашивает: «Крольчонок заблудился в кроличьей норе?» – и Арно, забыв свои фантазии про Тарзана, отвечает: «Нет, сэр», – и как будто собирается тараторить дальше, принеся более подробные извинения, так что Бэггер тыкает пацана в спину и перехватывает инициативу, говоря: «Простите, сэр, снаряд попал в похоронную команду, в самое яблочко»,

и Рейс кривит губы, от презрительного вдоха носом вся нижняя часть его лица как будто втягивается в пазухи и топорщится вандейковская бородка, за которой генерал-майор непостижимым образом успевает тщательно ухаживать,

тщеславие юности, как говорит кое-кто из парней, ибо Рейс – самый молодой командир дивизии во всей армии, хотя в отчетах его возраст с каждым стратегическим провалом увеличивается, Рейсу было тридцать три в Эльзасе, тридцать пять на Вогезском фронте, сорок 26 сентября, когда 43-я прибыла в Буа-де-Маланкур, и теперь, спустя две недели в мясорубке Мёз-Аргоннского наступления, Лайону Рейсу около шестидесяти, семьдесят пять – в плохой день, нынче же день выдался хуже не придумаешь,

и Рейс задирает нос выше, выше, еще выше, важные шишки всегда так делают при виде кретинов, посмевших встать у них на пути, и две звезды на его фуражке с золотым позументом вспыхивают в свете фонарей, словно очи еще более яростные, чем глаза самого генерал-майора,

и он повторяет, словно эхо: «В яблочко. А ты у нас, выходит, спец по яблочкам?» – на что Бэггер ответил бы, дескать, разумеется, однако трое рядовых впиваются в него взглядами, как бы говоря: «Ну чего тебе стоит заткнуться, Бэггер, почему ты вечно усугубляешь проблемы?» – и это достаточно справедливое замечание, чтобы муха, запертая в Бэггеровской грудной клетке, ударилась о тюремную решетку ребер,

и муха эта сопровождала Бэггера с самой учебки Кэмп-

Уинн, где к двери казармы был пришпилен плакат «ТЫ НУЖЕН МНЕ ДЛЯ АРМИИ США», и Бэггер пренебрег бы нелепым заявлением, не имей мужчина, нарисованный на плакате, – Дядя Сэм с козлиной бородкой, в цилиндре и красном галстуке – зловещее сходство с его отцом, епископом Бэггером, утонувшим двумя годами ранее вместе с торпедированной немецкой подлодкой «Лузитанией»,

и пока Бэггер отмахивался от теннесийских мух, ему пришло на ум, что этот Дядя Сэм больше похож на труп, чем на живого человека, потому что его череп туго обтягивала кожа, перламутровая от гниения, а из вспухших под глазами мешков вот-вот должны были вырваться на волю личинки, и Бэггер подумал, что это недобрый знак, раз тот, кто хочет увидеть его в армии, уже отдал концы, и он потянулся к плакату, чтобы сорвать его, наплевав на последующее наказание, вот тогда-то одна из треклятых теннесийских мух и влетела ему сперва в открытый рот, а после – в глотку,

и теперь муха, которую тоже зовут Дядя Сэм, живет в груди у Бэггера, она все, что осталось от отца, и хотя он пытался утопить ее в самогоне, закоптить в сигаретном дыму и даже оглушить опиумом, Дядя Сэм – крепкая маленькая сволочь, и все-таки Бэггер хотя бы умудряется держать его взаперти, потому что наступит день, когда муха стыда, как он мысленно именует эту тварь, наконец-то сдохнет, и одновременно с

нею червь сомнений перестанет его точить, стихнет жужжащий голосок совести, и Бэггер начнет жизнь заново,

и вызов, брошенный Рейсом, будоражит Дядю Сэма, а это уже касается Бэггера напрямую, он покажет этой мухе стыда, что не преклоняется перед дебиловатой военщиной, и потому говорит: «Да, сэр, генерал-майор, сэр, я спец по яблочкам. Если генерал-майор соизволит совершить визит, с радостью продемонстрирую ему всё, что от них осталось. Все огрызки III корпуса, какие есть»,

---

и черты рейсовского лица обмякают, словно оно вылеплено из глины, и сходство с пауком распространяется от глаз вовне, пока внезапно не складывается впечатление, что у него многовато нижних конечностей, сколько-то там ног да трость в придачу, и вот он мчит на Бэггера вприпрыжку, как сорвавшаяся с карусели лошадка, и кожаный чехол полевого бинокля болтается, словно маятник, а дыра, оставленная под Медаль Почета, зияет, будто пустая глазница, и они оказываются лицом к лицу, и генерал-майор того же роста, но крик его доносится сверху, потому что Бэггер скукоживается,

и Рейс вопит: «Я так понимаю, рядовой Бэггер, что принесенная американским народом жертва тебя смешит?!»,

и тот факт, что генерал-майор знает его имя, не предвещает ничего хорошего, Бэггер ошеломлен, и его лицо – открытая книга, как та, что про Тарзана, потому что Рейс хмыкает и говорит: «Ну да, я знаю, кто ты такой. Уклонист. Суперинтриган. Я тебя называю „рядовой Могильщик“, – он окидывает взглядом остальных, прибавляет: – У меня есть прозвище для каждого из вас. Отчеты о самых никчемных бойцах в дивизии мне доставляют регулярно»,

---

и Бэггеру ничто другое не идет на ум, кроме как сыграть по-крупному, он цепляет гротескную маску солдафона и говорит: «Генерал-майор, сэр, я всего лишь выразился метафорически!»,

и Рейс расправляет собственные усы конским горячим выдохом, говорит с безграничным отвращением: «Ты москит, рядовой Могильщик. Твоя судьба – быть расплющенным. И это непременно случится до конца войны. Я сам пачкать руки не стану. Слишком много чести для тебя. И не верю, что ты сдохнешь из-за очередного „попадания в яблочко“. Ты отдашь концы, как типичная крыса. Твой длинный, сальный хвост угодит в какую-нибудь пустячную мышеловку. И когда прижмет, кто придет тебе на помощь, рядовой Могильщик?

Эти?»,

и Рейс тыкает тростью в солдат, которые сверлят Бэггера взглядами, а потом – в ту сторону, где собирается колонной рота «П», и опять спрашивает: «Или вон те?» – и Бэггер понимает, что командир дивизии прав, всем без исключения парням наплевать, жив он или помер,

и Рейс вещает: «Ты будешь страдать в одиночестве, рядовой Могильщик. Никто не захочет рискнуть, чтобы помочь тебе, как ты никогда не рисковал своей шкурой ради товарища. Может, они вспомнят, как ты поступал с павшими соратниками, и поступят сообразно, закинув твои останки в какую-нибудь дыру. Сдается мне, ты заслуживаешь отдельной дыры, возможно, чего-то вроде твоих фирменных отхожих мест, чьи стенки обваливаются от первой же струи мочи. И об этом месте упокоения не будет никаких записей, хотя я бы поставил там табличку с предупреждением для фермеров, выпасающих скот. „Здесь закопан человек, целиком состоящий из яда“»,

и на этом месте Рейс ухмыляется: «Сотри кровь доблестных со своей физиономии, солдат. Ты ее оскверняешь», и Дядя Сэм безумствует в груди у Бэггера, который так же внутренне трепетал от стыда, провожая отца в последнее роковое путешествие, и хочется дать сдачи, как в тот день –

может, на этот раз не метафорически,

и он бы мог, Рейс – отнюдь не эталон физической силы, у него аденоидное лицо, тощая шея, бабий перекос таза, из-за которого стопы развернуты наружу, как стрелки часов в 10:10, и эти несовершенства, как предполагает Бэггер, имеют ту же причину, что и калечная правая рука генерал-майора, над которой все парни насмехаются, один видел, как Рейс этой своей ручонкой расчесывает усы, другой клянется, что у командира есть коробочка с малюсенькими сигарами, которые можно держать коротенькими пальчиками, но это все чушь собачья, никто и никогда эту конечность не рассматривал, она прячется под особо скроенным рукавом мундира и плаща,

и даже если бы Бэггер ее увидел, он бы не унизился до издевательств, генерал-майор не виноват, что у него такая конечность, в отличие от того, каким образом он подстроил свою жизнь под изъян и вызвал неприязнь подчиненных, отказываясь признать необходимость стандартной для Великой войны ротации на передовой, угрожая дезертирам расстрелом на месте и свято веря, что фланговые атаки – недостойный образ действий для 43-й, вследствие чего сотни людей были вынуждены снова и снова идти прямиком на пулеметные гнезда, убиваясь об них насмерть,

и Бэггер не успевает приструнить Дядю Сэма, муху стыда, и ответить язвительным тоном: «Красиво сказано, генерал-майор, сэр!» – потому что Рейс левой, здоровой рукой бьет его по плечу тростью, и, мать твою за ногу, это жуть как больно, хотя с раной от пули не сравнить, и генерал-майор ему об этом с радостью напомнит, стоит хоть пикнуть,

и Рейс рявкает: «Смирно!» – поэтому Бэггер неуклюже шагает влево, от боли поле зрения заволокло черным дымом, и он почти ослеп, так что лишь уткнувшись плечом в соседа понимает, что занял подобающее место, и в воронке становится тихо, не считая, конечно, визга, который все никак не оборвется, словно бесконечная лента, и поскольку Бэггер ничего толком не видит, перед его мысленным взором возникает образ: визжит какой-то обезумевший от скорби местный житель, глядя на пятерых мужчин на эшафоте, и палач в капюшоне уже взялся за рычаг, стоит потянуть – они повиснут, каждый в своей петле, и сдохнут, сдохнут, сдохнут,

V

и Рейс семенит туда-сюда по слякоти проворным паучьим шагом, не обращая внимания на мир, пораженный гангреной, а прямо за блюющим капелланом бедняги из роты «П» пошатываются на кровавых мозолях, ждут приказов генерал-майора, нервы звенят, в висках стучит, воспаленные глаза с ненавистью таращатся на пятерых лизоблюдов, и Бэггеру кажется, что ему запихивают в глотку прогорклую кашу,

и Рейс, судя по виду, готов ходить туда-сюда весь день, обращая на отдаленный грохот противников и союзников не больше внимания, чем на гул светской болтовни во время вечеринки в саду, и пурпурная глина медленно стекает по склонам воронки, как расплавленная кожа, и вот в конце концов он говорит: «Маловероятно, что кого-то из вас когда-либо выдвигали на какую-нибудь награду. Потому-то вы и стоите сейчас передо мной, – а потом, небрежным жестом тыкая в небо своей тростью, продолжает: – Что вы там, наверху, видите? Рядовой Гудспид»,

и, невзирая на Рейса и его трость, невзирая на свежий синяк на плече, Бэггер осторожно косится налево, где стоит рядовой Винсент Гудспид, человек, которого он знает лишь благодаря молве, с виду скользкий и суетливый, как белка, а

еще тощий, как ободранная березка, с облепившими голову, подстриженными под горшок русыми волосами и стальным пенсне как у Вудро Вильсона, до того тугим, что носовые упоры впиваются глубоко в кожу,

и что в Гудспиде самое подозрительное, так это его чистенький вид, здесь никто не сверкает чистотой, даже кишки в грязи, плюешься горчичным газом, чихаешь испачканной марлей, плачешь сажей, испражняешься глиной, но с самого начала Мёз-Аргоннского наступления пошли слухи о рядовом, который вполне добровольно шел в атаку лишь для того, чтобы через десять ярдов отойти в сторонку и *почистить ботинки*, пока гансы обрушивают на прочих Сорокопутов свинцовый ливень, выходит, это и есть Винсент Гудспид, чья униформа по-прежнему цвета хаки, а латунные пуговицы на подсумке блестят, как новенькие пенни,

и Гудспид, следуя указующей трости Рейса, глядит на дымовой континент, чьи тектонические плиты дрейфуют над Ничейной землей, погружая линию фронта в горелую липкую тьму давно нечищенного духового шкафа, и с лицемерной улыбкой отвечает: «Сэр, это артиллерийский дым, сэр, говорят, у нас теперь больше четырехсот тысяч артиллеристов, французские семидесятипятимиллиметровые пушки, стопятидесятипятимиллиметровые гаубицы системы „Шнейдер“, дальнобойные орудия Фийю, они стреляют

выше и дальше, чем все предшествующие модели, сэр, и я рад сражаться с ними бок о бок, сэр, вот что я могу сказать»,

и это всё лихорадочные кульбиты школьника, который так и рвется ублажить главаря хулиганов, и Бэггер, сам бывший главарь, изнывает от желания отвесить тумаков, каких заслуживают подобные подхалимы, он бы с радостью врезал Гудспиду по роже, ведь хотя Бэггер и гордится тем, что знает об армии США так мало, как только возможно, даже ему понятно, что Гудспид извергает пропагандистскую абракадабру, ибо американские и французские орудия – детские игрушки по сравнению с пушками томми, и даже те меркнут на фоне тяжелой артиллерии немчуры, хоть бы на размер воронок взглянул, болван,

и Рейс не гладит его по головке, на самом-то деле глядит на подхалима свирепо, как и товарищи по несчастью, а потом говорит: «В этом и заключается ваша проблема. Ни воображения, ни силы духа. За какие грехи мне достались самые унылые и склонные к фатализму солдаты во всей Первой армии? Мучительная несправедливость. Есть определенный предел, которого можно достичь, командуя такими ослами, – и он трясет тростью, указывая ею в небо, спрашивает: – Вдруг там есть еще что-то? Рядовой Попкин»,

и Бэггер вынужден стерпеть лошадиное причмокивание

пробужденного от грез наяву Хью Попкина, которого в мыслях всегда именовал пентюхом, и какая жалость, что размазанная по лицу Бэггера кровь принадлежит кому-то другому, ведь рядовой Могильщик надеялся обнаружить голову Попкина в каждой новой груде голов пехтуры, которые следовало похоронить, и одну лишь голову, потому что, думает Бэггер, целый труп Попкина ему не поднять, ведь телосложение у пентюха как у одного из обезьяньих королей, с которыми сражается Корак в «Сыне Тарзана», он грозный с виду, как сухопутный корабль, но на поверку оказывается беспомощной французской моделью вроде тех, которые рота «П» не раз обнаруживала брошенными на южном берегу Ле-Васье,

---

и, ладно, хорошо, надо признать, их кое-что связывает, Бэггера и Попкина, ведь именно пентюх, сидя в нужнике, обнаружил посверкивающее между ногами кольцо с настоящим бриллиантом, и поскольку отхожее место строил Бэггер, он сам себя признал законным владельцем и с дьявольской небрежностью поставил все свое имущество против находки Попкина, заявив, что выиграет пять партий в блэкджек из пяти, то была единственная игра, доступная Попкину, и, разумеется, Бэггер выиграл, поскольку пентюх слишком туго соображал, чтобы заметить тузы в рукаве товарища,

и, конечно, Попкин вышел из себя и попытался его ударить, но двигался чересчур медленно – Хью Попкин вообще все делает медленно, говорит медленно, шевелится медленно, и даже для того, чтобы проследить за жестом Рейса, ему требуется много времени, сперва его нижняя челюсть опускается, как разводной мост, демонстрируя худший образчик окопной цинги, какой случалось видеть Бэггеру: десны воспаленные, алые, как хот-дог, и до того изъеденные язвами, что серые зубы кажутся длиной в палец,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.